

На правах рукописи

Белов Сергей Игоревич

**Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны
в 2008 – 2018 гг.**

Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в секторе истории политической философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук.

Научный консультант: Федорова Мария Михайловна

доктор политических наук, главный научный сотрудник,
руководитель сектора истории политической философии
Института философии РАН.

**Официальные
оппоненты:**

Егоров Владимир Георгиевич

доктор исторических наук, доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии и права
Государственного образовательного учреждения высшего
образования Московской области Московский
государственный областной университет

Зиновьева Елена Сергеевна

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры
мировых политических процессов Факультета управления и
политики Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

Карабущенко Павел Леонидович

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
политологии и международных отношений Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Астраханский государственный
университет»

**Ведущая
организация:**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Ивановский
государственный университет»**

Защита состоится «15» октября 2021 г. в 15 часов 00 минут на заседании
Диссертационного совета Д 002.015.05 на базе Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук по
адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал Учёного совета Института
философии РАН.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН, а
также на сайте: <https://iphras.ru/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета Д 002.015.05, к.полит.н.

И.М. Угрин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Несмотря на то, что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже три четверти века, научный и политический интерес к событиям данного периода не ослабевает. Всемирный масштаб трагедии является в данном случае определяющим фактором.

Рост внимания к теме политики памяти и мемориальных конфликтов, возникающих в результате обсуждения событий Второй мировой войны, также обуславливается существенными изменениями в сфере геополитики и масштабной трансформацией структуры общества в странах, ранее вовлеченных в глобальный конфликт. Деконструкция социалистического блока и распад Советского Союза, отказ подавляющего большинства бывших государств соцлагеря от идеологии марксизма, появление новых стран на карте мира и включение их в систему международных отношений, эмансипация женщин, этнических и расовых меньшинств, разрушение колониальной системы – все это предопределило запуск множества тесно увязанных между собой процессов.

В рамках поиска новой идентичности, и в самоотрицании, связанном с ревизией прошлого, в попытках сформировать привлекательный образ будущего одним из важнейших механизмов модерации общественно-политической повестки стало обращение к исторической памяти, обусловленное как наличием множества «белых пятен» в системе представлений о событиях прошлого, так и неприятием распространённых ранее трактовок событий предшествующих эпох.

При этом обращение к истории войны характеризовалось отчетливым смещением фокуса дискуссии в политическую плоскость. Если в научных и интеллектуальных кругах в основном доминировало стремление объективно оценить ситуацию, то среди политиков преобладал инструменталистский подход. Опираясь на данный ресурс, они менее всего были заинтересованы в поисках истины, но при этом стремились достигать своих, не всегда продуманных и зачастую кратковременных целей с его помощью.

Научная новизна диссертации проявляется, во-первых, в том, что политика памяти рассматривается в ней в качестве самостоятельного, а не второстепенного объекта исследования применительно именно к событиям Второй мировой войны в глобальном масштабе, как системного явления. Ранее в этом отношении изучались либо отдельные теоретические аспекты,

либо мемориальная ситуация в конкретных странах и регионах вне общей концептуальной связи. Такой подход позволяет решить как единое целое сформулированную выше научную проблему, которая ранее затрагивалась учеными фрагментарно.

Во-вторых, впервые предлагается классификация общих закономерностей трансформации мемориальной политики. Данная работа проведена в трех направлениях: классифицированы причины, факторы и собственно государства мира относительно их взгляда на итоги войны и проблему их пересмотра.

В-третьих, в процессе рассмотрения политики памяти как разновидности символической политики, выявлен конкретный инструментарий осуществления ее на практике (миф, ритуал, символ) и специфика его использования относительно истории Второй мировой войны.

В-четвертых, на основе выявленных закономерностей трансформации с использованием одновременно инструментария символической политики предложена методика анализа ситуации в конкретных условиях – как для отдельных стран, так и в отношении их большого числа, вплоть до всего мирового сообщества, с целью гармонизации сложившейся ситуации.

В-пятых, новизна заключается в использовании при написании диссертации ранее не введенного в научный оборот эмпирического материала, а также через обращение к ранее не изученным аспектам заявленной темы. В частности, в ходе проведенных изысканий были использованы материалы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО); прежде неизвестные научному сообществу; результаты опроса экспертов, а также данные, извлеченные при помощи киберметрических инструментов из Интернет-ресурсов.

В-шестых, в числе аспектов заявленной темы, не получивших полноценного освещения на страницах предшествующих исследований, можно выделить проблему количественной оценки эффективности мемориальной политики посредством киберметрических сервисов.

Главная исследовательская проблема диссертационной работы определяется следующим образом. Сложившаяся в послевоенные годы общепринятая в мире картина событий войны по умолчанию стала подвергаться пересмотру, который в большей степени происходит по субъективным, нежели объективным причинам. Поэтому в настоящее время все возрастающее и, как правило, конъюнктурное использование памяти о Второй мировой войне представляет собой самостоятельную проблему,

которая де-факто уже стала предметом специфического политического регулирования. Она активно используется в качестве инструмента для достижения самых разнообразных целей, в том числе – как поле для манипуляций.

Поэтому **основной исследовательский вопрос диссертации** можно сформулировать так: в чем заключается специфика существующих в настоящее время особенностей трансформации политики памяти и какими способами возможно их переориентировать из деструктивной плоскости, порождающей разногласия и конфликты, в сферу, которая объединяет людей на почве принятия общего прошлого и необходимости взаимовыгодного сотрудничества в настоящем и будущем.

Степень изученности темы.

Весь пласт исследований, так или иначе затрагивающих вопросы политики памяти, можно разделить на несколько групп. Во-первых, в рамках нашего исследования могут быть использованы работы, посвященные историографии Второй мировой войны в целом, как российских, так и зарубежных авторов. Там, где нужен анализ конкретного исторического нарратива, в большинстве случаев по узким специфическим вопросам, эти труды незаменимы. Учесть всех ключевых авторов данной группы не представляется возможным в рамках автореферата, поэтому будет названа лишь малая часть таковых: Э. Бивор, Д. Гланц, С.Э. Морисон – из иностранных исследователей, а из отечественных – А.В. Исаев, И.И. Минц, А.М. Самсонов¹.

Вторую группу составили исследования, в которых впервые было акцентировано внимание на отдельных аспектах, которые уже напрямую касались политики памяти. Развитие данного направления проходило преимущественно в контексте изучения проблемы фальсификации и политизации ее истории. В советский период исследуемая тема получила в этом ключе фрагментарное освещение в работах А.И. Еременко, Л.В. Данилова, Б.И. Марушина, М.Г. Панкратова, М.Р. Тульчинского, П.А. Жилина, А.С. Якушевского, Е. Н. Кулькова и некоторых других

¹ Бивор Э. Вторая мировая война. М., 2014; Гланц Э. Советское военное чудо 1941—1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008; Морисон С.Э. Битва за Атлантику. Спб., 2000; Исаев А.В., Суворов В., Солонин М. С. и др. 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. М., 2009; Минц И.И. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975.

авторов². В рамках нашего исследования они помогают прояснить отдельные этапы формирования советской модели памяти о войне, трансформации политики памяти в СССР в разные годы, а также отражают разногласия в этой сфере между западными и отечественными концепциями.

После 1991 г. обозначенная проблематика продолжала изучаться в исследованиях Е.И. Зюзина, Ю.А. Горькова, М.А. Гареева, О.В. Вишлева, Л.А. Безыменского, А.В. Исаева, А.В. Бугаева и В.П. Козлова и некоторых других авторов³. От работ советского периода они отличаются актуализацией новейших тенденций, а также гораздо более широким кругом охватываемых вопросов, вокруг которых происходят дискуссии в научных и политических кругах. В целом отечественные авторы приходят к выводу, что умаление роли СССР в победе над нацизмом, попытки постановки знака равенства между Сталиным и Гитлером, ряд фальсификаций по частным вопросам, имеющие место на Западе – все это целенаправленный процесс, имеющий четкую антироссийскую (ранее – антисоветскую) направленность.

В третью группу входят работы авторов, обративших внимание на политику памяти в контексте изучения образа России как инструмента конструирования идентичностей народов Европы. Наибольший вклад в

² Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958; Данилов Л.В., Марушин Б.И., Панкратов М.Г. Буржуазные историки на службе антикоммунизма. М., 1962; Тульчинский М.Р. Адвокаты реванша. М., 1963; Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983.

³ Зюзин Е.И. Готовил ли Сталин превентивный удар? // Военно-исторический журнал. 1995. № 1; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Гареев М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2; Вишлев О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. (российские документы) // Новая и новейшая история, 1998, № 4; его же. Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Там же, 1999, № 1; Безыменский Л.А. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 г.? Новое время. 1991. № 19; Он же. О плане Жукова от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3; Исаев А.В. Антисуворов. М., 2004; Бугаев А.В. День «N». Неправда Виктора Суворова. М., 2007; Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

развитие данного направления внесли И. Нойманн, Ю. Кокка, В. Морозов, Б. Румелили, П. Петерсоо, М. Малиа и О.В. Рябов и некоторые другие авторы⁴. В результате указанных исследований получены выводы, согласно которым в формировании ряда идентичностей, особенно в странах Восточной Европы, важную роль сыграл объединяющий фактор негативного позиционирования России и русских. Данная тенденция прослеживается относительно давно, но наибольшее развитие получила в последние полтора столетия. При этом, однако, отмечается неравномерность данного процесса и наличие устойчивых частей социума, воспринимающих российский фактор в нейтральном и позитивном ключе.

В рамках данного направления необходимо отдельно выделить исследовательскую традицию, представители которой – В.А. Ачкасов, Ю.А. Борко, Г.И. Вайнштейн, Т.В. Евгеньева, В.В. Титов, А.В. Селезнева, Р.К. Херманн, М. Брютер, Б. Беркель и другие авторы – сосредоточились на изучении вопроса об использовании политических символов в контексте построения новых идентичностей в ЕС и на постсоветском

⁴ Neumann I.B. *Constructing Europe: Russia as Europe's Other* // Hedetoft U. (ed.) *Political symbols, symbolic politics*. Ashgate, 1998; Кокка Ю. *Границы Европы и идентичность*. М, 2007; Morozov V., Rumelili B. *The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers* // *Cooperation and conflict*. 2012. Vol. 47. № 1; Petersoo P. *Reconsidering otherness: constructing Estonian identity* // *Nations and nationalism*. 2007. Vol. 13. № 1; Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, 2000; Рябов О.В. «Матушка–Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

пространстве⁵. В целом указанные авторы также пришли к отмеченным выше выводам, но уже относительно политической символики.

Косвенным образом политика памяти в отношении событий Второй мировой войны нашла отражение на страницах исследований, посвященных интерпретации стереотипного образа России культурой и обществом как отдельных стран ЕС, так и «коллективного Запада» в целом. Изучением темы в этом контексте занимались Дж. Д. Браун, И. Нойманн, А.Г. Здравомыслов,

⁵Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4; Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. М., 2003; Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // ПОЛИС: Политические исследования. 2010. № 4; Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 2007. № 3; Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. 2005. № 3; Федорцев В.А., Мамедова Л.К. Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4; Herrmann R., Brewer M. Identities and institutions: Becoming European in the EU // Transnational identities: becoming European in the EU. Lanham, USA; Oxford, 2004; Bruter M. Winning Hearts and Minds for Europe: The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36. № 10; Tillman E.R. Support for the euro, political knowledge, and voting behavior in the 2001 and 2005 UK general elections // European Union Politics. 2012. Vol. 13. № 3; Ehin P. Competing Models of EU Legitimacy: the Test of Popular Expectations // Journal of Common Market Studies. 2008. Vol. 46. № 3; Grimstad K.A. What Europe means for Poland. The frontpage coverage of Independence Day in «Gazeta Wyborcza» 1989-2009 // Transforming National Holidays: Identity Discourse in the West and South Slavic countries, 1985-2010. Amsterdam, 2012; Agirdag O., Huyst P., Houtte M. Van. Determinants of the Formation of a European Identity among Children: Individual–and School–Level Influences // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50. № 2; Cinnirella M. Towards a European identity? Interactions between the national and European social identities manifested by university students in Britain and Italy // British Journal of Social Psychology. 1997. Vol. 36. № 1.

А. де Лазари, О.В. Рябов, ОВ.О. Рукавишников, Г.С. Мельник, С. Виноградова, Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская, В.Н. Расторгуев и С.Б. Королева и некоторые другие авторы⁶.

К четвертой группе следует отнести труды авторов, изучающих проблемы политической символики и мифологии в целом, хотя они, что особенно для нас важно, в ряде случаев затрагивают и события Второй мировой войны. Среди этих исследователей – О.Ю. Малинова, С.П. Поцелуев, К.Ф. Завершинский, Н.И. Шестов, С.В. Рязанова, Е.В. Стоянова, Е.Ю. Мещеркина, В.Э. Бойков и некоторые другие авторы⁷.

⁶ Brown J.D. A stereotype, wrapped in a cliché, inside a caricature: Russian foreign policy and orientalism // *Politics*. Chichester, 2010. Vol. 30, N 3; Neumann I. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London, 1996; Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4; Де Лазари А., Рябов О.В. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007; Lazari de A., Riabow O., Zakowska M. *Europa i Niedzwiedz*. Warszawa, 2013; Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005; Мельник Г.С., Виноградова С.М. Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода // *Управленческое консультирование*. 2009. № 3; Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов. М., 2009; Расторгуев В.Н. Россия и пан-Европа // *Вестник Московского университета, сер. 12. Политические науки*. М., 2008. № 6; Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М., 2014.

⁷ Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // *Политическая экспертиза*. 2010. № 1; Она же. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2; Она же. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013; Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Полис. Политические исследования*. 1999. № 5; Он же. «Символическая политика»: к истории концепта // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. М., 2012; Завершинский

Для нашего исследования полезны выводы, касающиеся закономерностей возникновения и развития указанных проблем, ряд важных, но, увы, не всегда систематизированных наблюдений, касающихся непосредственно темы данной работы.

Важно отметить, что в основе парадигмы работ, относящихся к данной группе, лежит концепция П. Бурдьё, по мнению которого под символической политикой следует понимать стратегическое использование символического капитала в рамках постоянной борьбы за «власть наречения», т.е. за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. В соответствии с данной точкой зрения, изучение символической политики в обязательном порядке предполагает объяснение того, как «власти добиваться признания власти»⁸.

К пятой группе относятся концептуальные исследования, проведенные Ю.С. Васютиным, О.В. Головашиной, А.Р. Дюковым, Д.В. Ефременко, А.И. Миллером, И.А. Климовым, М.М. Федоровой, В.А. Шнирельманом, Э. Кейси, П. Коннертоном и Ц. Тодоровым и некоторыми другими авторами. Они посвящены социальной памяти как таковой, а также и теоретическим основам мемориальной политики⁹. Здесь в рамках нашей работы

К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012. Вып.1; Шестов Н.И. Миф и политика. URL: <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html> (дата обращения - 01. 12. 2020); Рязанова С.В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24); Она же. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь, 2009; Стоянова Е.В. От ритуала и мифа к метафоре // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания 2008. № 4; Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005. М., 2006; Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8.

⁸ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 261; Делегирование и политический фетишизм. Бурдьё Пьер. URL: <http://bourdieu.name/content/delegirovanie-i-politicheskij-fetishizm-0> (дата обращения: 08.12.2020).

⁹ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3; Головашина О.В. (Бес)порядок времени и политика памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 4; Дюков А.Р.

представляют ценность и выявленные закономерности, и оценка системных процессов; обращение, с одной стороны, к психологической стороне проблемы, а с другой – наработки в области понятийного аппарата, используемого в «memory studies» в целом.

Шестая группа – исследования мемориальной политики конкретных государств. Ее изучали А.Г. Васильев, Е.Е. Вяземский, А.Ю. Гайдай, М.В. Кирчанов, С.В. Козлов, Д.С. Плотников, А.О. Столяров, Г.Л. Тульчинский, Ч. Гальперин, К. Петроун и Т. Шнайдер и некоторые другие авторы¹⁰. Однако никто из них так и не выбрал политику памяти в

Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1; Климов И.А., Тучков С.М. Политика памяти как инструмент легитимации политического режима // Проблемы и приоритетные направления развития современных политических и социальных процессов. Сборник материалов научно-практической конференции. 2017; Федорова М.М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1; Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1; Casey E. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington, 1987; Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989; Todorov Tz. Les abus de la mémoire. Paris, 1995.

¹⁰ Васильев А.Г. Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136); Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6; Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2 (33); Кирчанов М.В. Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. 12 (576); Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33); Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1; Столяров А.О. Проблема обращения польских политиков к исторической памяти в отношениях с Россией (1989-2005 гг.) // Клио. 2015. № 3 (99); Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5;

отношении Второй мировой войны в качестве самостоятельного предмета исследования, охватывающего общемировые тенденции в целом. При этом в рамках нашей работы выводы, сделанные указанными авторами в отношении отдельных стран, позволяют выйти на новый, глобальный уровень оценки происходящих процессов.

Таким образом, оценивая степень изученности темы, необходимо отметить такое обстоятельство, как дефицит исследований, посвященных непосредственно политике памяти в отношении Второй мировой войны на фоне обилия работ о мемориальной политике в целом, либо опыту ее реализации на примере конкретных стран. Помимо того, следует отметить, что, несмотря на высокий в целом уровень объективности большинства публикаций, затрагивающих интересующий нас вопрос, отдельные работы несут на себе признаки влияния социального заказа или политической конъюнктуры, что иногда заметно снижает репрезентативность сделанных их авторами оценок и выводов.

Алгоритмы развития мемориальных конфликтов, способы их урегулирования и купирования – все это также остается плохо изученным. При этом указанные аспекты исследуются преимущественно в концептуальном или идеалистическом ключе. Налицо отсутствие направленности на практику: исследуется то, что уже было, тогда как достойных применения рекомендаций, а тем более, какой-либо универсальной методологии решения имеющихся проблем не предлагается. При этом отсутствует классификация причин и факторов трансформации политики памяти; даже ведущие государства не структурированы в отношении их позиции относительно пересмотра итогов войны, хотя реальное положение дел свидетельствует о настоятельной необходимости проработки данного вопроса.

В целом же можно заключить, что тема так и не обрела статуса отдельного объекта исследования. Особенно важным в этой связи представляется то обстоятельство, что память о Второй мировой войне по факту уже является предметом особой политики, требующей,

Halperin Ch. J. Omissions of national memory: Russian historiography on the Golden Horde as politics of inclusion and exclusion // *Ab imperio*. 2004. № 3; Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011; Snyder T. Memory of Sovereignty and Sovereignty over Memory: Poland, Lithuania and Ukraine, 1939–1999 // *Memory and Power in Post-war Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge, 2002.

соответственно, специального целенаправленного изучения. Но в самостоятельном качестве данный вопрос не рассматривался. То есть, научное наследие в сфере исследований мемориальной политики характеризуется в отношении войны лакунарностью, фрагментарностью, и, тем более, отсутствием специальных и обобщающих трудов по данной теме.

Предметом работы является практика мемориализации событий Второй мировой войны в интересах гармонизации отношений между участниками мирового политического процесса и укрепления национально-государственной идентичности отдельных стран в указанных условиях.

В роли **объекта** представленного исследования выступает трансформация политики памяти в отношении Второй мировой войны как политический процесс и одновременно как социальное явление.

Хронологические рамки исследования охватывают **период 2008 – 2018 гг.** В ряде случаев обозначенные временные рамки в исследовании, в силу необходимости, выходят за свой нижний предел. Иными словами, в исследовании могут рассматриваться более ранние исторические события, вне контекста которых невозможно выявить причинно-следственные связи в рамках трансформации политики памяти. Равным образом в рамках изучения закономерностей эволюции социальной памяти мы вынуждены обращаться в том числе к кейсам событий, не имеющих прямого отношения к истории Второй мировой войны. Последнее является вынужденной мерой, поскольку без проведения сравнительного анализа невозможно установить, является та или иная форма мемориального позиционирования специфическим отличием корпуса представлений о Второй мировой войне либо частным проявлением общей закономерности трансформации социальной памяти. Также жесткое следование обозначенным рамкам лишило бы нас возможности исследовать и заимствовать эффективные мнемонические практики, применяемые в рамках позиционирования событий иных периодов.

Выбор обозначенных временных рамок обусловлен следующими причинами. Во-первых, именно в это время осуществлялись наиболее масштабные изменения в рамках политики памяти в отношении событий Второй мировой войны за последние десятилетия, хотя соответствующие процессы начались значительно раньше, в особенности – в государствах Европы достаточно вспомнить небезызвестные «споры историков» в Германии.

Из важнейших событий в указанный период можно отметить, например, произошедшие в 2010 г. официальное признание Россией факта

расстрела польских военнопленных под Катынью, принятие властями Японии ответственности за насильственную сексуальную эксплуатацию женщин на «станциях утешения» и т.д.

Во-вторых, в рамках обозначенного периода в России стали появляться или реорганизовываться структуры, призванные отстаивать официальные государственные позиции по вопросам интерпретации событий прошлого на внутренней и международной аренах. Так, например, в 2009 г. создается Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, в 2012 году финансовое обеспечение получают Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. При участии последних двух организаций активно обсуждался новый историко-культурный стандарт. В 2013 году открывается выставка «Православная Русь. Романовы», которая впоследствии станет основой сети парков «Россия – моя история».

В-третьих, с 2008 г. начинается новый этап международных отношений, характеризующийся активизацией напряженности. Решительное вмешательство России в южноосетинский конфликт ознаменовало окончание периода ее пассивной внешней политики, который продолжался с 1991 г. В 2011 г. происходит «цветная революция» в Ливии с последующим вмешательством во внутренний конфликт сил НАТО, преследовавших цель смены политического режима в этой стране. В последующие годы нарастало «холодное» противостояние между Россией с одной стороны, а США и ее союзниками по НАТО – с другой. Последние продолжали поддерживать протестные движения и «оранжевые» перевороты во всем мире, в частности на постсоветском пространстве; Российская Федерация, в том числе в порядке оказания военной помощи, выступала на стороне законных правительств, как это произошло в Сирии. Апогеем процесса стали события в Украине, которые привели к выходу из ее состава Крыма и к войне на Донбассе.

Результатом всех перечисленных проблем стали санкционные и идеологические конфликты, в которых ресурс памяти, в частности, о событиях Второй мировой войны, занял важное место. В течение последующих лет нарастала трансформация мемориальной политики, которая к 2018 году в целом приобрела нынешний, во многом законченный вид, но в то же время способный трансформироваться под воздействием извне.

Географические рамки данного исследования имеют два «уровня

приближения»: анализ глобальных процессов в исследуемой парадигме в целом и детализация полученных выводов на примере нескольких отдельных стран. Это обусловлено следующими причинами.

С одной стороны, выявление закономерностей трансформации политики памяти и лучших мемориальных практик потребовало изучения опыта большого числа стран в глобальных масштабах. С другой стороны, для апробации предложенной автором методики и подробного анализа ситуации в государствах, демонстрирующих кардинальные различия в отношении пересмотра итогов войны, были избраны три из них.

Россия как преемник СССР – государства, внесшего решающий вклад в победу (над державами «оси» или над нацистской Германией), а также понесшего одни из самых больших потерь – рассматривается, помимо прочего, также в качестве автора и наследника т.н. «советского мифа», определившего на длительный период мемориальную политику в целом ряде стран.

Польша представляет собой пример резкой смены мемориального курса после распада мировой социалистической системы, что произошло, в основном, из-за позиции ее политической элиты и не было вызвано отсутствием альтернативных путей развития.

Германия в качестве одного из двух ключевых агрессоров во Второй мировой войне представляет научный интерес не только с точки зрения страны, которая вынуждена преодолевать последствия «комплекса вины» в ее развязывании. В данном случае политика памяти представляется одним из ключевых условий изменения статуса ФРГ в мире в дальнейшем.

Цель представленной работы – предложить пути решения проблемы деструктивного использования памяти о событиях Второй мировой войны в политических целях, вызванной отсутствием общепринятой в мире, мемориальной концепции. В данном случае обозначаются пути выработки универсальных научных и практических механизмов предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций, направления происходящих в данной сфере трансформаций в конструктивную плоскость на взаимовыгодных либо компромиссных условиях, учитывающих интересы всех заинтересованных сторон.

Ее достижению должно предшествовать выполнение следующих **задач**:

- проанализировать концептуальные научные подходы к исследованию алгоритмов реализации политики памяти как разновидности символической политики;
- рассмотреть использование таких инструментов ее осуществления, как «символ», «миф» и «ритуал»;
- дать классификацию причин и факторов трансформации мемориальной политики в нынешних условиях;
- классифицировать государства, имеющиеся на современной карте мира, в зависимости от их позиции в вопросах пересмотра итогов войны и их целей относительно этого процесса;
- на примере России, Германии и Польши разработать эффективный метод анализа ситуаций с точки зрения методов символической политики, опирающейся на использование выявленных в ходе классификации закономерностей;
- сформулировать практические предложения относительно моделей политики памяти в отношении событий Второй мировой войны в настоящее время в трех перечисленных странах.

Гипотеза исследования.

Трансформация политики памяти о Второй мировой войне обусловлена целым комплексом причин и определяется в своем развитии множеством факторов. И те, и другие в каждом конкретном случае могут существенно различаться, что приводит к складыванию в разных государствах по-своему уникальных ситуаций, требующих особого подхода.

Масштаб трагедии, запрос на ревизию истории, близость событий Второй мировой войны к нашему времени, конфликты ряда моделей памяти о них в мире – все это привело в совокупности к использованию всего перечисленного в политических, зачастую конъюнктурных целях. Результатом такой деятельности становится рост напряженности, усиление разногласий, ряд других деструктивных тенденций как в мире в целом, так и во многих отдельных странах в частности.

Данная проблема с научной точки зрения усугубляется отсутствием четкого понимания специфики особенностей происходящих процессов, классификации их закономерностей; а с политической – нежеланием отказываться от применения памяти о войне в качестве инструмента решения сиюминутных задач. О поиске компромиссных либо взаимовыгодных путей выхода из этого положения нередко даже не идет и речи.

Между тем, при наличии эффективного метода анализа можно предложить такие решения указанной совокупности проблем, которые позволят снизить мемориальную напряженность как на мировом уровне, так и внутри отдельных стран. В этом отношении критерием эффективности предложенных рекомендаций на практике можно считать гармонизацию, стремление к достижению компромисса на приемлемых для всех участников событий условиях.

С этой точки зрения существующие модели памяти о войне, в большинстве своем неэффективны в силу своей функциональной ограниченности. Мнемонические акторы либо действуют в рамках логики создания «патриотического мифа», что приводит к возникновению внешних мемориальных конфликтов; либо действуют «по инерции», считая, что их традиционный взгляд не подлежит изменению и пересмотру, а в альтернативные концепции, распространяемые в ряде стран, мало кто поверит. При этом на подобные попытки либо не следует вообще никакой реакции, либо она достаточно скромная и не приносит результатов, что стимулирует к дальнейшим провокациям и наступлению на какую-либо уже существующую модель.

Именно подобная концептуальная основа в отношении официальной политики памяти о войне наблюдалась в России все первое десятилетие XXI века на фоне откровенно русофобской трансформации исторического нарратива во многих странах Восточной Европы. Руководство страны либо не понимало опасности своего бездействия, либо считало проблему настолько второстепенной, что пренебрегло ею.

Практика «жесткого реагирования» на попытки искажения и пересмотра существующих концепций, которую проводят некоторые страны, значительно более эффективна. Израиль и Китай, например, при таком развитии событий в отношении болезненных для них вопросов не ограничиваются не только формальными, но и жесткими дипломатическими выступлениями. В ход может пойти все, начиная от усилий диаспоры по формированию общественного мнения в ведущих странах до прямых угроз экономических и иных санкций.

При этом следует отметить, что важным фактором достижения успеха, при всех перечисленных действиях, в рамках данной практики является целостная, согласованная, обычно не противоречащая общей (хотя и частично устаревшей) международной традиции исторического нарратива относительно событий Второй мировой войны, принятая в этих странах.

Поэтому реагировать приходится на действия популистов – творцов «патриотических мифов» в отдельных государствах и случаях. Возникает мемориальный конфликт – в виде решительного ответа, спровоцированного подобными акторами. Но это останавливает либо заставляет быть более осмотрительными других, что в пролонгированной перспективе может служить целям компромисса и примирения.

В этой связи противоположный эффект наблюдается в случае, когда с теми же целями некоторые политики пытаются частично или полностью заимствовать у бывших противников их традицию исторической памяти вместо поиска сбалансированного решения, которое удовлетворит все стороны. Не принимается во внимание, что это априори подразумевает сугубо негативное позиционирование заимствующей стороны. В результате, попытки такой «прививки» вызывают у широких слоев населения отторжение (поскольку они фактически равнозначны маргинализации собственной идентичности) и лишь провоцируют рост ориентации на «патриотический миф». Более того, сторонники мемориального примирения обретают в глазах массовой аудитории имидж «предателей».

Равным образом часть политического истеблишмента государств, выступающих в качестве «доноров» исторической традиции, начинает использовать признание другой стороной ответственности за какие-либо трагические события совместной истории в качестве обоснования материальных претензий либо для усиления образа «внешнего врага». Все это неизбежно приводит к формированию «токсичного» нарратива, распространение которого способствует росту ксенофобии и политической напряженности как внутри отдельных государств, так и между суверенными державами и, в отдельных случаях, этноконфессиональными группами (рост антисемитизма в Европе, раскол православия в Украине).

Как мы видим, проблема всех перечисленных моделей заключается в том, что отсутствует желание найти реально компромиссные решения «для всех» – в перечисленных ситуациях участвуют обычно две стороны, редко больше, при равнодушии либо невмешательстве всех остальных. Это происходит по той причине, что сложившаяся в послевоенные годы общепринятая в мире картина событий войны по умолчанию стала подвергаться пересмотру, который в большей степени происходил по субъективным, нежели объективным причинам. Необходимо, учитывая накопленный наукой новый пласт знаний о войне и мемориальной политике

в ее отношении, выработать новую, согласованную на международном уровне модель и договориться о механизмах разрешения спорных случаев.

Тем не менее, пока предложенный вариант остается лишь в теоретическом поле, а реализация его представляется делом будущего, следует стремиться к балансу интересов на практике, в тех рамках, в которых обычно происходят трансформации – между двумя и более сторонами. В этой связи необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства.

В большинстве ситуаций трансформация является ответом на появление предпосылки в виде новой версии исторического нарратива, которая противоречит широко распространенной в рамках общества в целом либо присущей значимой макросоциальной группе версии интерпретации событий прошлого. Новый нарратив в этом случае содержит в себе отрицание объяснительной модели, относящейся к событию или личности, имеющим символическое значение, ценностную окраску и играющим большую роль в формировании идентичности макросоциальных общностей.

Таким образом, другой вариант интерпретация событий прошлого купирует источник рекультикации ингруппового фаворитизма, снижает престижность принадлежности к соответствующему сообществу и формирует мотивы для выбора иной идентичности. Кроме этого, нередко происходит формирование принципиально нового символического конструкта. Здесь речь идет как об имитации исчезнувшей ранее традиции, так и системе политической идентификации, в роли фундамента которой выступает ценностный разрыв с существующим / существовавшим строем. Последнее подразумевает, в том числе, переоценку событий прошлого с позиций новой системы ценностей.

Продвижение новой модели коллективного прошлого и соответствующей идентичности подразумевает предложение целевой аудитории альтернативных подходов для выработки ингруппового фаворитизма. Специфической чертой нового исторического нарратива также является наличие установки на размывание гомогенности (которая в полном смысле слова встречается нечасто) ныне существующей идентичности. Исторический нарратив в данном случае выступает в качестве средства создания образа «значимого другого». Последний не всегда позиционируется как «враг». Однако его образ всегда отличает наличие акцента на его «инаковости», несовместимость с новой идентичностью и связанным с нею путем социально-политического развития.

Следует учитывать, что существенное влияние на процесс в ряде стран могут оказать особенности специфики процесса генерации политического и культурного истеблишмента, потребность в легитимации нового политического строя и конфронтация относительно текущего политического курса, проявляющаяся посредством проецирования на события прошлого существующих в период современности противоречий.

Новая модель интерпретации событий прошлого и соответствующая ей идентичность чаще всего выстраиваются с учетом текущей социально-экономической проблематики. В частности, новый вариант исторического нарратива объясняет (в ряде случаев – комплиментарно по отношению к целевой аудитории) возникновение существующих проблем и косвенным образом (через воссоздание сакрального прошлого) предлагает их решение.

В отдельных случаях трансформация политики памяти может быть сопряжена с отсутствием в обществе позитивного образа будущего. В ситуации, когда большая часть социума пессимистически настроена относительно будущего, лидеры общественного мнения, а вслед за ними и широкие массы населения, зачастую начинают концентрировать внимание на событиях прошлого. Оно начинает идеализироваться, ему придается сакральный характер. Соответствующая модель политического, общественного или экономического устройства позиционируется в качестве эталонной. Ее позиционируют как результат движения общества по «правильному пути». Текущие проблемы, в свою очередь, объясняются отказом от принятых ранее путей и традиций.

В наиболее острых ситуациях могут возникать мемориальные конфликты, порожденные трансформацией политики памяти. Иногда они даже приводят к выходу противостояния за рамки пространства исторического нарратива. Наиболее ярко это проявляется через принятие различных репрессивных законов (и вновь характерен пример Украины).

В роли акторов мемориальной политики выступают не только государства, но также политические партии, общественные организации, церковные институты, бизнес-структуры, представители академического и экспертного сообщества и иные частные лица, обладающие высокой мотивацией к участию в противостоянии.

Все перечисленное следует принимать во внимание и как объективную реальность, от которой приходится отталкиваться, и как частные причины и факторы, имеющие известное значение в каждом конкретном случае. Поэтому и при выработке компромиссных решений для отдельных стран, и в

связи с разработкой механизма для предотвращения мемориальных проблем в связи с событиями Второй мировой войны в будущем, все перечисленное необходимо тщательно учитывать.

Теоретические и методологические основы исследования.

Принципы *социального конструктивизма, системности, историзма и объективности* использованы в качестве теоретической основы диссертации. Также в ходе сбора и интерпретации материалов исследования нашли применение следующие подходы социологии и политической науки: системный (идеи Т. Парсонса, Д. Истона и Г. Алмонда), сравнительный (концепции, созданные С. Верба, И. Кимом и Р. Мерритом), политико-культурный (творческое наследие Д. Дивайна и М. Дюверже), социальная феноменология (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) и символический интеракционизм (Э. Дюркгейм, Г. Лебон, У. Липпман и Дж. Мид).

Системный подход. Процесс целенаправленного выстраивания политики памяти для воздействия на мировоззрение населения тех или иных стран представляет собой частный случай проявления на практике трех функций политической системы – адаптации, интеграции и постановки целей достижения (Т. Парсонс). Согласно концепции Д. Истона, общая система представлений о событиях прошлого выступает в роли факультативного фактора, определяющего возможность политической системы реализовать такую жизненно важную функцию, как обеспечение принятия широкими массами населения решений относительно распределения ресурсов и ценностей в качестве обязательных. Посредством закрепления в исторической памяти масс определенной картины прошлого конституируются отдельные элементы структуры политической системы, такие как лидерство и совокупность предписанных носителем власти норм поведения, т. е. регламентация (Т. Парсонс). Также необходимо отметить, что процесс выстраивания политики памяти напрямую взаимосвязан с одним из важнейших специфических свойств политической системы – зависимостью от характера общественной среды. (Г. Алмонд).

Сравнительный подход. Все существующие общества объединяет наличие одинаковых наборов форм политической структуры и их функций, однако в то же время каждый социум обладает своей спецификой, обусловленной различиями в их балансе. Последнее, с одной стороны, превращает формирование исторической памяти масс в универсальную задачу любой политической системы, а с другой – обуславливает

особенности решения данной задачи в каждом конкретном случае (Г. Алмонд, С. Верба, И. Ким, Р. Меррит).

Политико-культурный подход. Ориентационный уровень политической системы включает в себя три компонента – когнитивный, аффективный и ценностный, каждый из которых (в особенности – последние два) задействуется в ходе формирования системы представлений о прошлом – за счет комбинаций эмпирических убеждений, экспрессивных символов и ценностей соответственно. Благодаря этому данный процесс превращается в одну из важнейших составляющих генерации политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, М. Дюверже, Ф. Бурлацкий).

Социальная феноменология. Политическая власть может быть рассмотрена как феномен, детерминированный коллективным сознанием элит или широких масс населения, его содержанием и способами репрезентации в нем. Таким образом, существование политической системы во многом обуславливается созданием и успешным функционированием исторической памяти социума, встроенной в «коллективные представления» и тем самым формирующей идентичности и ориентации большинства представителей общества (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман).

Символический интеракционизм. Возможность формирования исторической памяти основывается на существовании феноменов органической солидарности (Э. Дюркгейм), «основополагающих верований» (Г. Лебон), стереотипности сознания (У. Липпман), «самости» и «зеркального Я» (Ч. Кули), конвергенции «Я-концепции» и фактора «они» (Дж. Мид), обуславливающих возможность форматирования и программирования сознания личности (индивидуальной идентичности) посредством трансляции коллективных представлений.

Кроме того, в процессе выработки практических предложений по гармонизации мемориальной ситуации – как в целом, так и в отдельных обществах и государствах, был использован метод *фронезиса*, активно продвигаемый в последнее десятилетие Б. Фливбергом в исследовании мегапроектов и получивший признание по отношению к иным объектам исследования в политологии и социологии.

Применение метода в рамках данной работы состоит в том, что фронезис, основываясь на обобщенных данных науки, индивидуализирует ситуацию и способствует конвертации научных усилий в общественно полезные действия. Очевидно, применение данного метода к практике реализации политики памяти может и должно быть с успехом использовано.

Модель эмпирического исследования, использованная при написании работы, включает в себя традиционный анализ, экспертное интервью, мониторинг социальных сетей и новостных сайтов. За счет этого данные изыскания получают методологическую основу посредством комбинирования количественных (мониторинг социальных сетей) и качественных (типологический анализ и экспертное интервью) исследовательских практик. Подобный подход предоставляет исследователю возможность сочетать сведения относительно измеряемых показателей исторической памяти с описанием тенденций, факторов, результатов и перспектив ее динамики.

Использование традиционного анализа позволяет детализировать специфику восприятия населением реализуемой властями политики памяти.

Мониторинг социальных сетей и новостных ресурсов, сопровождаемый применением киберметрического (автоматизированного) анализа дает возможность разрешить проблему малых выборок и предоставляет исследователю шанс выявить характер взаимосвязи между политикой памяти с одной стороны и ответной реакцией населения – с другой.

Включение в структуру методической базы исследования экспертного интервью позволяет опереться на практический опыт историков, политологов, политконсультантов и специалистов в области работы с молодежью в ходе интерпретации выявленных первичных данных и проверке гипотез.

Мониторинг социальных сетей и новостных сайтов реализован с помощью киберметрических инструментов социальной сети Vk и Интернет - СМИ, а также программы IQBuzz (для Facebook и Twitter), что позволяет использовать тип сплошной выборочной совокупности.

В случае экспертного интервью за основу формирования выборки принимается принцип гетерогенности. Последнее же предполагает использование неслучайной (невероятностной) выборки посредством метода типичных представителей. Как результат, выбор единиц исследования осуществляется по заранее определенному принципу: выделению индивидуальных характеристик, включающих в себя социально-демографические и коммуникативные факторы. Объем выборочной совокупности в экспертном интервью – 20 респондентов.

Анализ результатов проведения интервью был реализован в следующих формах:

- транскрибирование аудио/видеозаписей интервью;

- анализ стенограмм интервью;
- сравнение данных с результатами массовых опросов, проведенных социологическими службами России, Германии и Польши, и мониторинга социальных сетей.

Анализ результатов мониторинга социальных сетей был отражен в форме графической интерпретации, через построение таблиц и диаграмм.

Положения, выносимые на защиту:

– Вторая мировая война остается для народов значительного числа государств ключевым историческим событием в рамках коллективной памяти, что, наряду с сакрализацией и мифологизацией посвященного ей мнемонического нарратива, превращает любые дискуссии относительно данного конфликта в фактор, провоцирующий политически значимые конфронтации национального и международного масштаба;

– Мемориальная политика в отношении Второй мировой войны используется как инструмент комплексной природы, действующий в сферах соприкосновения политического мифа, символической политики и исторической памяти;

– Если трансформация политики памяти, реализуемая каким-либо конкретным культурным или политическим истеблишментом, носит сугубо конъюнктурный характер, ориентирована только на внутреннюю или внешнюю аудиторию, либо с содержательной стороны угрожает консолидирующей общество системе ретроспективных символов, возникает почва для развития мемориальных конфликтов, раскалывающих макросоциальную общность или провоцирующих начало конфронтации с внешними мнемоническими акторами;

– Память о войне в настоящее время является составной частью проблемы определения национально-государственной идентичности, выступает в качестве одного из источников обоснования прав и обязанностей, как для политических элит, так и рядовых граждан ряда стран, что подтверждает необходимость проведения в этой сфере особой политики;

– Трансформация политики памяти является системным явлением, что дает возможность классифицировать ее причины и факторы, а также структурировать государства по отношению к данным закономерностям;

– Существующие противоречия относительно трактовки событий войны разрешимы путем компромисса. Это касается как отдельных государств и обществ, так и общемирового уровня. В этой связи

рекомендации, предложенные по отдельным странам, могут послужить основой для снижения напряженности в настоящий момент и в будущем;

– Наиболее эффективным механизмом закрепления достигнутых компромиссов, по мнению экспертов, представляется юридический – заключение в каждом конкретном случае специальных договоров, в рамках которых следует предусмотреть механизмы разрешения конфликтных ситуаций, а также санкции для нарушителей ключевых пунктов соглашения с целью недопущения возникновения и развития мемориальных конфликтов в будущем.

Теоретическая значимость данной работы заключается, в первую очередь, в исследовании особенностей трансформации процесса использования памяти о Второй мировой войне такими способами и в таких целях, что она приобрела значение проблемы, требующей особой политики. Кроме того, в процессе работы достигнуты определенные результаты в конкретизации терминов «политика памяти», «политический миф», «ритуал» и «символ» применительно к событиям 1939 – 1945 гг., что должно способствовать повышению конвенциональности указанных понятий.

Помимо того, изучение избранного кейса (российского, польского и германского) позволяет провести апробацию сформулированных в последнее время различными авторами гипотез и проверить актуальность выработанных ранее теоретических конструкций. Также проведение данного исследования способствовало вовлечению ранее не введенных в научный оборот сведений относительно процесса формирования политики памяти и специфики функционирования институтов, выступающих в качестве мнемонических акторов.

Практическая значимость представленного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для системного анализа ситуации в любом государстве и обществе на основе выявленных закономерностей. Следовательно, они могут быть применимы при выработке решений в обширном разнообразии конкретных ситуаций в рассматриваемой сфере. Это поможет в коррекции стратегии и методологии мемориальной политики, в частности в России, Польше и Германии. При необходимости предложенные методы и инструменты применимы для гармонизации политики памяти о Второй мировой войне вплоть до глобального масштаба. Также материалы данной диссертационной работы потенциально способны выступить в качестве первоосновы для написания учебно-методических

комплексов, лекционных курсов и практических пособий, создания научных и научно-популярных публикаций.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя: введение, пять глав, состоящие из десяти параграфов, заключение, список источников и литературы.

Апробация основных положений исследования была проведена в рамках в публикации: 1 монографии, 33 статей, в том числе – 23 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Помимо того, основные результаты работы прошли обсуждение в ходе 20 международных, всероссийских и межрегиональных научных конференций.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 – «Современная политика памяти» – посвящена теоретическим аспектам данной проблемы в наши дни, и состоит из двух разделов. Сначала в работе раскрывается содержание понятий «историческая политика» и «политика памяти», сопоставляются различные точки зрения по данному вопросу, имеющие место в современных “memory studies”. Выявляется также проблема терминологических разночтений относительно понятийного аппарата, употребляемого в этой сфере исследователями.

Также констатируется характерное явление – как ученые, так и политические деятели в большинстве своем воспринимают политику памяти в качестве инструмента либо механизма достижения сугубо прагматических, часто краткосрочных целей. Этот «инструментализм», будучи объективным фактором, заставляет в работе отталкиваться именно от такого понимания и определяет специфику ракурса исследования данной проблематики.

Затем в данной главе анализируются процессы, имеющие место на практике, где ключевую роль играют ресурсы символической политики – миф, символ и ритуал. Здесь, учитывая описанную выше тенденцию, наблюдается примитивизация указанных понятий. Практикующие политики, как правило, склонны рассматривать миф, символ и ритуал именно в сугубо инструментальном качестве, тогда как философский смысл данных категорий либо совсем не принимается во внимание, либо оказывается на второстепенных ролях. В результате такого положения, в контексте исследования выявляется необходимость анализа как собственно содержания этих понятий, так и «механистического» применения на практике, исходя из их упрощенного, вульгаризированного восприятия.

Далее автором классифицируются причины и факторы трансформации политики памяти, а затем, исходя из их анализа, государства современного мира группируются в зависимости от их отношения к пересмотру памяти о войне. Критерием классификации причин является вопрос, что в каждом конкретном случае заставляет те или иные страны, народы, социальные и этнические группы, и т.д., пересматривать сложившееся, казалось бы, окончательно, положение дел. Исходя из этого, выявляются следующие ключевые причины.

1. Непрерывное взаимодействие и противоборство национальных (реже блоковых) интересов. Окончание Второй мировой войны априори подразумевало складывание нового мироустройства, в котором

взаимодействие как собственно национальных, так и блоковых интересов не прекращалось никогда. Продолжается оно и теперь.

2. Отход от социалистической идеологии подавляющего большинства стран и территорий мира, где она господствовала. Это закономерно повлекло за собой необходимость поиска альтернативы для государств и обществ, складывание новых идентичностей, изменение мировоззрения населения и власти, их политических ориентиров. Пересмотр прошлого в этом случае неизбежен.

3. Появление новых игроков, либо выступление прежних в ином качестве, в политическом поле современного мира. В первую очередь, это новые независимые государства, которые являются «осколками» СССР, Югославии, и т.д. Во вторую очередь сюда можно отнести страны, которые существовали ранее, но их политическая ориентация изменилась столь существенно, что теперь на международной арене они выступают в совершенно ином качестве, нежели прежде, например, Польша.

4. Специфика современной глобализации. Неизбежность этого процесса должна, казалось бы, повлечь сближение различных сил, а значит, побудить их к поиску компромиссных решений, при которых политика памяти становится если не объединяющим, то, как минимум, и не разделяющим фактором. На данный момент можно говорить об обратном явлении – формат нынешней глобализации не устраивает значительное число участников мирового политического процесса.

5. Усиление в мировой повестке роли стран и регионов, которые либо не были затронуты Второй мировой войной совсем, либо она повлияла на них крайне незначительно. Соответственно, это определяет ключевую политическую тематику современного мира, отводя вопросам, связанным с памятью о Второй мировой войне, достаточно узкий сегмент.

6. Искусственное «раскачивание» мемориальной ситуации в границах какой-либо страны с целью решения внутриполитических (гораздо реже – внешнеполитических) проблем. Можно говорить не столько о решении каких-либо конкретных вопросов, сколько о целенаправленном переключении внимания общественности. При этом для части собственных граждан ряда стран, так и для внешних акторов, чьи интересы затрагиваются изменением ситуации, становится важной необходимостью «ответа».

7. Отсутствие сколько-нибудь определенной картины и модели развития будущего ряда стран и народов. В подобных условиях обращение к историческим сюжетам является закономерным явлением. При этом нередко

случается так, что в прошлом не находится каких-либо героических или же политически приемлемых для нынешних властей вариантов, вследствие чего они прибегают к мифотворчеству и фальсификации истории.

8. В мире до сих пор нет полной, достоверной и объективной картины истории Второй мировой войны, общепризнанной всеми. Почти в каждой стране имеются собственные версии, которые нередко пересматривались. Есть существенные разночтения, что приводит к множеству вариантов трактовок, в том числе таких, которые провоцируют масштабные трансформации.

В основе классификации факторов трансформации политики памяти главным критерием является их существенная значимость, но не причинность. Наиболее важными представляются следующие из них.

1. Комплиментарность. В рассматриваемой парадигме этот фактор можно трактовать как безотчетные симпатии или антипатии между странами и народами в рамках наднациональных – цивилизационных по С. Хантингтону или суперэтнических по Л.Н. Гумилеву – взаимоотношений. Она может быть положительной, отрицательной либо нейтральной; возможны и иные сочетания. Крайними точками в любом случае является дихотомия «свой/чужой». При этом прагматическая целесообразность отступает на второй план, а мнение и позиция отдельных индивидов нивелируются общим отношением социума.

2. Степень самостоятельности акторов в принятии соответствующих решений. Сила и влияние разных государств и народов не могут быть одинаковыми. Среди них есть те, кто диктует, в том числе агрессивно, свою волю для достижения собственных интересов, и те, кто подчиняется. В сфере политики памяти в государствах, например, Балтии, это проявляется, прежде всего, в степени отсутствия самодостаточности, в том числе и с точки зрения практического здравого смысла.

3. Неписанные правила поведения участников тех или иных военных и политических блоков. Так, в государствах ЕС в связи с большим притоком мигрантов и их существенной ролью в ряде секторов экономики на официальном уровне активно продвигаются практики, связанные с концептами мультикультурализма и толерантности. В силу этого неприемлемым считается, например, публично упоминать о фактах массовых грабежей населения и эпизодами изнасилования женщин в Германии солдатами колониальных, частей союзных армий в 1944 – 1945 гг.

4. Тактика отдельных акторов при реализации политики памяти. Проблема состоит в степени твердости или, как вариант, агрессивности продвижения либо защиты тех или иных идей. Следует выделить:

- а) тактику агрессивного продвижения (Украина, Польша, Прибалтика и т.д.);
- б) последовательное системное давление (Германия, США и др.);
- в) оборону на принципах жесткого ответа (Израиль, Китай);
- г) инерционную модель, при которой существующее положение дел акторам кажется незыблемым, либо вопрос является второстепенным (ряд западноевропейских стран, Россия рубежа XX – XXI вв.);
- д) поиск компромиссных решений или модель «мягкого наступления» (Австрия, Финляндия, современная Россия).

5. Наличие особенно принципиальных для конкретных стран и народов «болевых точек», которые существенно выделяются на фоне других событий. Их можно выделить два типа: с одной стороны – «святое», на что нельзя покушаться, а с другой – «темные пятна» истории. Для каждого государства и народа они различаются, но общий принцип остается неизменным.

6. Возрастающее значение молодежи и снижение роли реальных участников в трактовке событий. Резкий перелом в восприятии травмирующих фактов прошлого происходит на 3-4 поколениях, при передаче семейной традиции от внуков к правнукам. В результате потомки нередко приобретают и закрепляют индифферентное отношение к драматическим событиям прошлого, либо дают им истолкование с позиций морали, прямо противоположное ранее господствовавшей точке зрения.

Третья классификация посвящена вопросу, как сгруппированы в наши дни государства в отношении их взгляда и политического подхода в отношении памяти о событиях 1939 – 1945 гг. Критерием здесь является степень заинтересованности в трансформации памяти о Второй мировой войне – иными словами, в пересмотре ее итогов; цели, задачи и направленность этого процесса.

К первой группе можно отнести государства, не заинтересованные в пересмотре итогов войны в целом, такие как Россия, Беларусь, КНР, Израиль.

Вторая группа стран – США и Великобритания, ключевые союзники СССР по антигитлеровской коалиции, которые стремятся преувеличить свой вклад в победу, либо показать себя единственными демократическими победителями на фоне «битвы тоталитарных титанов».

Третья группа – государства-агрессоры, желающие избавиться от данного, пусть и справедливого, ярлыка.

Четвертая группа стран – государства Восточной Европы, находящие новую идентичность в структурах ЕС и НАТО (как существовавшие ранее, так и возникшие после разрушения СССР и Югославии).

Пятая группа – относительно нейтрально настроенные в отношении политики памяти, преимущественно западноевропейские государства, как пострадавшие от войны, так и формально в ней не участвовавшие.

Шестая группа – участвовавшие в войне страны, в которых новые конфликты отодвинули события Второй мировой войны на вторую роль.

Седьмая группа охватывает остальные страны, которые фактически в войне не участвовали.

Приведенная система классификаций, конечно, не исчерпывает все многообразие тенденций и ситуаций. Тем не менее, в практическом отношении предложенная система достаточно универсальна.

На основе полученных в данной главе исследования выводов автором предлагается метод анализа ситуации, применимый в отношении политики памяти к любой стране, как в настоящее время, так и в прошлом. Анализ происходит в два этапа: на первом выявляются доминирующие причины и факторы трансформации, а на втором исследуются процессы, происходящие в сфере символической политики, а именно наличие и эволюция тех или иных политических мифов и символов, развитие мемориальных практик в виде принятых в социуме ритуалов.

Глава 2 – «Политика памяти о Второй мировой войне в СССР и России» также состоит из двух параграфов, посвященных, соответственно, периодам до и после разрушения Советского Союза. В каждом из них последовательно, в хронологическом порядке, анализируется формирование отечественной модели политики памяти о войне и все ее трансформации вплоть до сегодняшнего дня.

Изначально советская концепция памяти о войне создавалась еще до ее завершения, и прошла уже до 1945 года ряд этапов развития, определявшихся сугубо практической задачей – достижением победы. Соответственно, исходя из хода боевых действий, сначала акцентировалось внимание на стойкости в обороне; затем, при освобождении собственной территории – под лозунгом мести нацистам. Наступление за пределами территории СССР представлялось как освободительная миссия. В данный период было накоплено значительное количество фактов массового героизма, мужества и доблести на фронте, и в тылу.

По окончании войны страна оказывается в новых политических условиях. С одной стороны, формирование мировой социалистической системы потребовало закрепления и усиления Советского Союза в качестве лидера. С другой, сам факт победы в войне, по мнению руководства государства, свидетельствовал в пользу торжества идей социализма в их сталинской интерпретации. Кроме того, возникает и ряд новых проблем, в частности, связанных с началом «холодной войны».

В данных условиях потребовалось создать модель памяти о Второй мировой войне, предназначенную как для «внутреннего потребления», так и для решения внешнеполитических задач. Такая концепция, изначально сконструированная на реальных фактах, вместе с тем в большой степени отличалась политизированностью, умалчиванием «темных сторон» войны, выдавала желаемые цели за уже существующее положение дел и т.д. Все это дает нам право говорить о формировании советского политического мифа о Второй мировой войне – специально созданного для достижения необходимых руководству СССР целей.

Внутри страны необходимо было мобилизовать силы для восстановления экономики, предотвратить межнациональные конфликты, особенно на территориях, включенных в состав СССР в предвоенные годы и по итогам войны, укрепить новую идентичность. Также для решения внешнеполитических задач нужен был целостный позитивный образ, в котором подчеркивалась как роль СССР и его армии, так и неразрывный с ними «единственно правильный» вариант дальнейшего пути развития. Этот подход предназначался преимущественно для тех стран, которые уже оказались в советской сфере влияния. В меньшей степени новый имидж был призван воздействовать также и на другие, несоциалистические, народы мира; как минимум с целью создания дружественной или нейтральной позиции населения в случае конфликтов их правительств с Советским Союзом. Как максимум, опять же, позиционировалось то, что социалистическая модель априори лучше.

Относительно всего восточноевропейского пространства особенно акцентировалась боевая дружба, поскольку многие страны, особенно в конце войны, сражались против нацизма плечом к плечу с советскими войсками. Кроме того, постулат о «реакционных силах», правивших до перехода к социализму, позволял указанным народам произвести некую «отстройку» от своих довоенных правительств. То есть получалось, что важно с точки зрения политики памяти, преодолеть диссонанс перехода к режимам

советского типа. Так, поляки после «санации» и угнетения нацменьшинств, чехи и словаки, преданные своим руководством, а также бывшие сателлиты Германии (как и сама ГДР) могли теперь, на новом этапе их развития с достоинством причислять себя к «странам народной демократии» и силам мирового прогресса.

Для внутреннего потребления внутри Советского Союза была создана вариация с акцентом на патриотическую составляющую. Но решающий вклад страны в победу представлялся результатом не столько усилий народа, сколько следствием «руководящей роли» коммунистической партии и лично И.В. Сталина. Довоенным успехам СССР отводилось важное место: они представлялись экономическими основами победы, а ликвидация враждебных классов и решение национального вопроса – ее политическими предпосылками. Исходя из принципов историзма и объективности, добавим, что, несмотря на наличие ряда межнациональных проблем, ситуация в СССР в то время была куда более оптимистичной, чем в западных «демократиях» с их расизмом и колониализмом.

Первая трансформация советской модели была инициирована с приходом к власти в СССР Н.С. Хрущева. Ее обусловили, главным образом, XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И.В. Сталина. Проблема негативных последствий данного шага заключалась не в обнародовании ошибок и преступлений, а в умалчивании реальных заслуг вождя, о которых и население, и, тем более, представители правящей элиты часто знали не понаслышке. Это в некоторой степени подорвало доверие к официальным трактовкам войны внутри страны, а в странах соцлагеря привело к еще более драматическим последствиям – восстанию в Венгрии, расколу с КНР, и т.д. Положительным результатом данной трансформации стала реабилитация репрессированных в годы войны народов СССР, а также ряда военных и политических деятелей.

Вторая трансформация «советского мифа» условно относится к двадцатилетнему юбилею победы. С приходом к власти Л.И. Брежнева снова меняется отношение к Сталину, роль которого в войне теперь показывают положительной, хотя и без чрезмерных восхвалений, как в период культа личности. Параллельно указанной тенденции – чем дальше, тем настойчивее – говорилось о все большей роли партии в победе. Этому способствовало, с одной стороны, окончательное сращивание партийного и государственного аппаратов, следовательно – формирование фактически пожизненной номенклатуры, которая была напрямую в этом заинтересована. С другой

стороны, чем больше фактических проблем появлялось в стране, тем сильнее говорилось о ключевой роли КПСС даже в мелочах.

Официальная точка зрения без особых сомнений принималась населением только в той части, где речь шла собственно о конкретных подвигах и всей страны, и отдельных людей. В остальном же имело место подспудное осознание того, что партия и ее номенклатура теперь служит не «интересам трудящихся», как при Сталине и даже Хрущеве, а своим собственным, прежде всего – удержанию всей полноты власти. Что еще важнее, такая же ситуация складывалась в восточноевропейских странах.

Что касается сферы символической политики, здесь в указанный период также происходят важные изменения. Именно с середины 1960-х гг. День Победы выступает как официальный праздник с использованием комплекса символов и ритуалов, многие из которых практикуются и сейчас.

В период 1985-91 гг., в отличие от многих других вопросов, Второй мировой войне на официальном уровне уделялось не больше внимания, чем раньше, в основном в связи с возобновлением борьбы с наследием сталинизма. Последнее, однако, привело к ряду опасных последствий в области мемориальной политики. Часть населения восприняла, как и после XX съезда, данную политику как преступную и антисоветскую. Многие другие, наоборот, с радостью были готовы поверить всякой новой информации без критики.

Итак, созданная в СССР мемориальная модель Второй мировой войны изначально проектировалась в качестве инструмента внутренней и внешней политики, что делает часть руководству страны, понимавшему всю важность данного аспекта. Однако два наиболее слабых ее места – ориентировка на идеологию и непродуманность трансформаций – привели в конечном итоге к утрате ее эффективности.

Наибольшая вина в этом лежит на функционерах КПСС эпохи «застоя». Они, не решая текущих проблем, пытались закрепить свое положение усилением роли партии везде, где считали нужным. При этом было упущено возникновение в стране многочисленного образованного «среднего класса», и по-прежнему считалось, что «пролетариат» должен безоговорочно верить всему, что скажет партия. Усталость граждан от политизации и нерешаемости жизненно важных проблем привела, с одной стороны, к краху самого государства и его политического мифа, а с другой – облегчила адаптацию к новым реалиям, складывавшимся после 1991 г.

При этом комплекс символов и ритуалов, созданных в годы советской власти, равно как и исторический нарратив, очищенный в дальнейшем от идеологических догматов, прочно закрепился среди населения и оказался той основой, на которой мемориальная политика в Российской Федерации осуществляется для собственного населения до настоящего времени.

После разрушения СССР и роспуска ОВД трансформацию политики памяти можно условно разделить на три периода. При этом, сразу оговоримся, четких границ нет – одни процессы плавно переходили в другие. Начальный этап, примерно до 1993 г., можно охарактеризовать как инерционный. Внутри страны в массовом порядке дело ограничилось просто изъятием из новых учебников и официальных материалов всего, что было связано с КПСС. Можно сказать, что осуществилась деполитизация старой концепции, при этом фактологическое содержание в тот момент претерпело несущественные изменения. Практика использования ритуалов и символов тоже сохранилась, хотя на данном этапе не развивалась.

Говоря о втором и третьем периодах, складывается ощущение, будто речь идет о двух принципиально разных странах, настолько отличался подход к мемориальной политике. Если второй период (примерно до первой половины 2000-х гг.) можно условно обозначить как инерционно-либерально-пораженческий, то второй – как державно-патриотический. Данное явление логично объясняется, если применить к каждому этапу предложенную автором методику анализа.

Исследование показывает, что первый период охарактеризован ослаблением страны на международной арене, переходом ее из мировых лидеров в число экономически несамостоятельных государств. Параллельный поиск новой идентичности, связанное с этим самоотрицание, пересмотр собственного прошлого и одновременное желание либеральной элиты интегрировать страну в западные политические структуры – все это привело к «разрухе в головах» населения и почти полному отсутствию сколько-нибудь внятной политики памяти со стороны власти. Никакой реакции на попытки принизить роль страны в войне, на откровенные фальсификации, деятельность организаций, ныне именуемых «иностранными агентами», не происходило. Отмечается лишь появление ряда новых практик, связанных с празднованием 50 лет Победы.

В современной России, после трудностей прохождения этапа экономических, социальных и политических экспериментов, ситуация характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, политика памяти

внутри страны с ростом ее влияния в мире и усилением патриотических настроений получила новый импульс развития. Население и власть поняли потребность в реализации данного направления. Были созданы новые ритуальные практики, например, «Бессмертный полк», гармонизировавшие ситуацию внутри страны и выступившие элементом «мягкого продвижения» за рубежом. С другой стороны, четкая концепция реакции на внешние вызовы в сфере политики памяти так и не создана. По-прежнему в ряде стран продолжается снос памятников советским воинам, продвигаются концепции «советской оккупации» и т.д. Решительных ответных действий – таких, какие предпринимает, например, Израиль, – призванных предотвратить подобные попытки в будущем, не наблюдается.

Глава 3 – «Польша: возвращение к довоенной модели без учета долгосрочной перспективы» – в двух разделах анализирует процессы, происходящие в данной стране: антироссийскую направленность официального курса политики памяти и соответствующие действия с одной стороны, и ресурсы гармонизации ситуации – с другой.

После смены политического режима в Польше в результате «бархатной революции» 1989 г. страна оказалась в уникальном положении. Освободившись от советского влияния, она на некоторое время оказалась свободной от любых союзных обязательств, получила возможность выбора политического пути, обладая для этого достаточной ресурсной базой. Сюда можно отнести и экономический потенциал, и в целом дружественный настрой соседей, и современную, достаточно хорошо вооруженную армию при отсутствии какой бы то ни было внешней угрозы. Такое положение позволяло на длительное время сохранять независимую и в то же время нейтральную позицию, извлекая из этого максимальную пользу для государства и населения.

При этом мемориальное наследие, основанное на одной из интерпретаций советской модели, на тот момент можно назвать устойчивым. Будучи очищенным от социалистического влияния, оно могло выступить основой выстраивания добрососедских отношений со всеми окружающими странами и с ключевыми игроками мирового политического поля, в том числе и на перспективу, учитывая возможности усиления или ослабления позиций тех или иных государств или блоков. Однако политическое руководство страны избрало иной путь, который представляется неэффективным ни с точки зрения международной стабильности, ни даже с позиции национальных интересов Польши.

На начальном этапе ключевую роль сыграли разрушение СССР и ОВД, то есть получение вследствие этого максимальной независимости от военно-политических блоковых структур с одновременным отказом от социалистической идеологии. Как уже сказано выше, нейтральный статус открывал широкие возможности. Исходя из этого, можно однозначно утверждать: постановка некоторыми политиками вопроса о том, что у Польши не было выбора, как поступить, можно считать демагогической.

Польская элита предпочла избрать позицию интеграции в Европейское Сообщество и НАТО. У этих организаций были различные интересы в отношении данной страны. Если ЕС, в основном в лице Германии, еще учитывал некоторые объективные озабоченности, то для США, судя по дальнейшему развитию событий, Польша изначально рассматривалась в качестве подчиненного режима, который должен отстаивать американские интересы, причем не только военные, но и экономические. Ход реальных событий в последующие годы подтверждает, что она неоднократно становилась рычагом давления на государства «старой Европы» и Россию.

На протяжении всего периода с момента распада ОВД политическая элита Польши, выстраивая новую идентичность, усиленно культивировала среди населения страны отрицательное отношение к Российской империи, ее историческому приемнику – Советскому Союзу, а также и к нынешней Российской Федерации. Реализацию данной задачи облегчало наличие в политической и художественной культуре Польши достаточно глубокой традиции негативного позиционирования России.

При этом истеблишмент активно использует пропагандистские ресурсы, унаследованные от режима санации и польских революционеров XIX в. Автор убедительно доказывает данное положение на примерах старых и современных произведений художественной культуры. Необходимо признать, что технологии демонизации и дегуманизации используются не только в отношении советского периода истории России, но и предшествующей эпохи.

Особенно заметно то обстоятельство, что творцы польской политики памяти стали активно использовать столь мощный ресурс, как память о «болевых точках», в частности событиях Варшавского восстания, трагедии в Катыни, событий 1939 г. в западных областях Украины и Белоруссии, и т.д. Конкретные данные, выявленные автором в ходе киберметрического анализа публикаций в СМИ и данных социальных сетей, убедительно доказывают, что память о подобных событиях с их ярко выраженной негативной

антироссийской окраской системно и целенаправленно продвигается в польском обществе. В качестве опорной точки националистического дискурса избрана деятельность Армии Крайовой. Она всячески героизируется, идеализируется, а одной из ее заслуг, в частности, представляется подпольная антисоветская деятельность.

Акцент в нынешней мемориальной модели сделан также на замалчивании позитивного опыта сотрудничества двух стран, что нашло отражение, в частности, в запрете демонстрации ряда художественных произведений, таких, например, как фильм «Четыре танкиста и собака». Подобные перегибы вызывают недоумение даже среди далекой от симпатий к СССР и России части населения Польши. Большинство поляков понимает, что наиболее весомый вклад в победу над нацизмом с их стороны внесли действия Войска Польского, пусть даже, что для них неприятно, и во взаимодействии с русскими.

Последствия такого положения дел очевидны. Ресурс в виде предпосылок для действительно независимого и нейтрального развития страны, как и соответствующего освещения ее истории, который мог дать как реальную безопасность, так и экономические выгоды, был упущен, тогда как возможность опасного обострения отношений с Россией возросла. Очевидно, игнорирование исторического опыта, возможно, является одной из самых опасных проблем для руководства Польши.

Политика памяти официальной Варшавы с момента распада СССР с точки зрения ее целей была направлена на укрепление легитимности нового политического режима и формирование идентичности, закрепляющей геополитический и культурный выбор новых элит. Здесь фактор отрицательной в отношении России комплиментарности сыграл важную роль. При этом, что весьма важно, что мнение населения не просто игнорировалось, оно до сих пор находится под сильным прессингом официозной точки зрения.

В рамках заданной системы координат власти Польши получили возможность существенным образом трансформировать идентичность граждан в сторону вымывания из нее элементов «социалистической прошлого» и управлять настроениями населения, в особенности – в плане мобилизации общественного мнения в ходе принятия спорных внешнеполитических решений. В краткосрочной перспективе, с точки зрения достижения поставленных элитами целей, избранную модель можно считать успешной.

Однако уже на данный момент накопилось такое количество рисков, которые могут привести к непредсказуемым последствиям. Позиция, основанная на постулате извечного противостояния России и Запада, на стороне которого Польша только и должна выступать, игнорирует множество иных возможных сценариев. В частности, не принимается во внимание возможность ситуации, когда они окажутся на одной стороне и будут тесно взаимодействовать в случае противодействия какой-либо общей угрозе – от мирового терроризма до китайской экспансии. Могут быть и иные вызовы глобального характера – в виде техногенных или природных катаклизмов.

Однобокость избранного направления мемориальной политики Польши даже без учета указанных сценариев уже к данному моменту привела к накоплению достаточно существенной «критической массы» рисков для страны. В пользу данного тезиса свидетельствует мемориальный конфликт между Польшей и Израилем, произошедший из-за не слишком значительного эпизода, если сравнивать данный повод с той масштабной кампанией, которая проводится в антироссийском направлении.

Каковы могут быть последствия, если подобного рода действия начнет в ответ на подобные выпады применять Россия, можно прогнозировать по-разному. Имеются все основания для тесного российско-израильского сотрудничества, поскольку проявления русофобии и антисемитизма в восточной Европе в значительном числе случаев совпадают. Кроме того, Россия, с большой вероятностью, не будет инициировать данный процесс в одиночку. Возможными ее союзниками в вопросах политики памяти могут быть не только Израиль, но и практически любая пограничная страна.

Польшей совершенно игнорируется также возможность российско-германского сотрудничества в этой сфере, очевидно в силу доминирования проамериканских настроений. Германия и Россия многократно демонстрировали, что проблемы прошлого они умеют отодвинуть на второй план, когда речь идет о реализации текущих, прежде всего, экономических интересов. В последние годы польская позиция не раз препятствовала эффективному осуществлению совместных проектов двух стран.

Тем не менее, в настоящий момент в стране имеются немалые возможности и ресурсы для гармонизации ситуации. Этому, в частности, может способствовать позиция той части общества, которая, вопреки усилиям официальной власти, сохраняет здравую позицию и считает важным вместо культивирования образа врага переход к взаимовыгодному сотрудничеству не только с союзниками по ЕС и НАТО. Киберметрические

исследования, проведенные автором, подтверждают, что в Польше следует четко разграничивать антироссийскую позицию властей и мнение значительной части населения, имеющей, несмотря на усилия пропагандистов, нейтрально-дружественное отношение.

Необходимым в этих условиях шагом поэтому может стать плавный переход от антисоветской и антироссийской риторики в сторону если не тесного сотрудничества, то хотя бы признания положительных сторон общего прошлого. В сложившейся ситуации уже сейчас желательно снова, на сей раз без давления идеологии, сделать акцент на положительном опыте взаимодействия Красной Армии, Войска Польского и гражданского населения Польши в период войны. Большое значение могут иметь и события совместной борьбы с украинским национализмом, преступления которого против мирных польских и советских граждан даже сейчас являются мощным объединяющим фактором.

Однако в случае продолжения реализации антироссийской модели, польская элита, учитывая ее собственную риторику и методы, рискует столкнуться с предъявлением фактов, которые ею старательно замалчиваются. Это пакт о ненападении с Германией 1934 г., участие в разделе Чехословакии, рейды на советскую территорию диверсионных отрядов, политика полонизации Украины, Белоруссии и Литвы. Возможна также негативация образа Армии Крайовой извне – путем апелляции к относительно слабому ее сопротивлению немецким оккупантам, политике преследования украинского, белорусского и еврейского населения, случаям жестокого убийства советских военнослужащих и т.д.

Глава 4 – «Германский опыт: внутренние противоречия и русофобия поневоле» – подобно предыдущей, также посвящена анализу ситуации и поиску ресурсов гармонизации ситуации, на этот раз относительно ФРГ. Исследование показывает, что, несмотря на некоторое внешнее сходство с Польшей в проведении политики памяти, Германия испытывает совершенно иные проблемы. Ключевыми из них являются виновность за развязывание Второй мировой войны и связанные с ней преступления; в меньшей степени – последствия объединения ФРГ и ГДР.

Германия на протяжении последнего десятилетия представляет пример такой трансформации мемориальной политики, которая диктуется, прежде всего, противоречием реальных целей страны и теми действиями, которые предпринимаются ею в силу нескольких, сохраняющих длительное время свое влияние обстоятельств. Наиболее важным стремлением немцев на

внешнеполитическом уровне является желание достигнуть такого статуса, при котором вина за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны будет на международном уровне официально считаться искупленной.

Поскольку в обозримой перспективе такого решения проблемы не предвидится, Германии приходится решать проблему, связанную с восприятием собственным населением событий войны, иными способами. В частности, один из наиболее эффективных из них на сегодняшний день – признание себя пострадавшими от войны не в меньшей степени, чем жертвы агрессии. Здесь возникают существенные трудности: ущерб, понесенный в ходе военных действий, был вызван действиями самой Германии. Что касается признания немецкого народа жертвой нацистского режима, то закономерный ответ – без массовой поддержки он не мог просуществовать длительное время – также затрудняет решение.

При этом существенное влияние оказывает отсутствие единого восприятия событий среди самого германского общества в результате различных моделей политики памяти, существовавших в разных частях страны до ее объединения. Жители бывшей ГДР длительное время придерживались концепции, согласно которой нацистский режим был отстроен от немецкого народа, акцент делался не на прошлом, а на новом, социалистическом образе жизни. Нередко – и это подкреплялось примерами деятельности таких людей, как Э. Тельман – простые немцы позиционировались даже как антифашисты (антинацисты).

В ФРГ до объединения существовало иное восприятие. Главная вина для жителей этой части страны состояла в преступлениях Холокоста. При этом, учитывая членство страны в НАТО и пропагандистские штампы этой эпохи, имевшие явную антисоветскую направленность, действия нацистов в восточной Европе и СССР не попали в центр внимания. Виноватыми в этих преступлениях западные немцы себя не считали. При этом объединение страны происходило по такой схеме, при которой западногерманская модель должна была распространиться и на «осси» – восточных немцев. Они неожиданно для себя оказались виноваты, в частности, в антисемитизме.

Возникла потребность в поиске какой-то иной основы для укрепления идентичности. Поскольку был избран путь «пострадавших», предстояло решить, от кого именно. И здесь не оставалось иного выбора, кроме как выставить СССР и Красную Армию в качестве тех, кто совершал «преступления» против немцев. Конечно, с точки зрения реальных фактов, для этого в большей степени подходили западные державы. Ковровые

бомбардировки, в том числе не имевших военного значения Дрездена и Кельна; и реальное мародерство, и многочисленные изнасилования – особенно этим отличались колониальные войска союзников – все это могло дать веские основания для выбора такого вектора.

Однако членство в НАТО, единая комплиментарность западной цивилизации, ряд новых проблем с мигрантами – все это не позволило полноценно выставить немцев пострадавшими ни от англо-американских союзников, ни от арабо-африканских частей французских войск и т.д. В то же время наследие «холодной войны», а также далеко еще не забытые пропагандистские штампы времен Второй мировой в совокупности с бездействием России в отношении политики памяти почти до середины 2000-х гг. привели к тому, что в качестве «виновного» был избран Советский Союз и его армия. Этому немало способствовало распространение концепции о борьбе сталинского и гитлеровского тоталитарных режимов, между которыми ставился знак равенства.

Выразилось все это, прежде всего, в распространении в немецком обществе мнения о массовых грабежах и изнасилованиях советскими солдатами гражданского населения. Киберметрический анализ данных прессы и дискуссий в социальных сетях, проведенный автором, убедительно доказывает, что продвижение данных убеждений происходит целенаправленно. Естественно, преступления нацистского режима на Восточном фронте преуменьшаются по масштабу и значению. Холокост при этом не игнорируется (в чем немалая заслуга принципиальной позиции израильтян), но и не связывается с действиями немцев на территории СССР.

Таким образом, можно констатировать, что немецкая политика памяти пришла к модели вынужденной демонизации СССР и России. Поскольку на протяжении последних двух десятилетий российско-германские отношения в целом были взаимовыгодными, продуктивными и даже гораздо более открытыми и конструктивными, чем со многими восточноевропейскими странами, очевидно, что никакой объективной заинтересованности в нагнетании антироссийских настроений у немцев нет. Этим объясняется ключевое отличие от польской модели – хотя и здесь акцент сделан в основном на антисоветскую риторику, но прямого отождествления СССР и России стараются обычно избегать.

Хотя политика памяти Германии в новейший период и была вынужденно направлена на формирование негативного образа солдат и офицеров Красной Армии, но это вызвано не столько неприязнью немцев к

бывшему противнику, сколько невозможностью выставить себя в качестве пострадавших во время войны со стороны каких-либо других стран.

В силу рассмотренных тенденций был сформирован выраженно негативный имидж советских военнослужащих, которые позиционируются в массовой культуре как мародеры и насильники. Достичь соответствующего эффекта воздействия на массы удалось в первую очередь за счет грамотного использования приемов визуализации антиобраза и акцента на преступления, совершенные против представителей особо опекаемых обществом групп – женщин, детей, сирот.

Следует признать, что характерный для германской массовой культуры антиобраз Красной Армии заметно отличается от польского кейса: в художественных произведениях встречаются положительные образы красноармейцев, оказывающих гражданским лицам активную помощь, вплоть до вооруженного вмешательства. Кроме того, далеко не во всех случаях солдаты и офицеры Красной Армии представлены как некая «безликая масса»: персонифицированы как положительные, так и отдельные отрицательные персонажи, причем действия последних в ряде случаев имеют под собой иную мотивировку, кроме получения наслаждений, например, обусловлены стремлением отомстить.

Помимо того, отрицательное позиционирование образа Красной Армии в случае Германии в значительном числе случаев ориентировано на обслуживание внутривойсковых нужд и не преследует цели идеологической подпитки конфронтации с Россией, в то время как в польской практике заметна тенденция к формированию за счет мемориальных войн образа внешнего врага «здесь и сейчас».

Важно отметить, что негативный образ советских военнослужащих в немецкой массовой культуре нельзя рассматривать как свидетельство такого отношения сугубо к Красной Армии. Частично в данном направлении были канализированы не имеющие возможности реального воплощения мотивы недовольства как солдатами колониальных частей Великобритании и Франции, так и их современными потомками – мигрантами из ряда стран Африки и Ближнего Востока.

По итогам анализа ситуации в Германии, мы приходим к выводу, что ее мемориальная политика, оправданная на некоторое время многими объективными обстоятельствами, оказывается к настоящему моменту неэффективной, поскольку не решает главной задачи – решения внутреннего психологического конфликта среди немецкого народа. Кроме того, ее

направление – представить население жертвой внешних сил, в частности, Красной Армии, является тупиковым как в части реальных политических рисков, так и в силу невозможности разрешить описанные противоречия.

Избавление от «внутренних травм» без поиска «виноватых» можно в данной ситуации рассматривать как единственно верный ресурс достижения внутреннего и внешнего равновесия. Наиболее перспективным выходом из положения следует считать переход к модели, при которой немцы, не отрицая преступлений своей страны в годы Второй мировой войны, будут представляться в целом как жертвы нацистского режима. Опыт Австрии и ГДР, где похожая концепция с различными вариациями в каждом из государств задействовалась ранее, показывает ее высокую эффективность для достижения нормального психологического самоощущения населения.

Кроме того, без отказа от обвинений в своих бедах каких бы то ни было внешних акторов, следует признать принципиальную невозможность для ФРГ добиться в будущем изменения статуса на мировом уровне, а именно официального признания «искупления вины». В противном случае объективные опасения значительного числа стран, даже не соседствующих с Германией, приведут к блокированию подобных устремлений.

Глава 5 – Практические предложения по реализации политики памяти – включает два раздела, посвященных обобщению экспертных мнений и вопросу преодоления содержательных проблем политики памяти. В качестве первоосновы для выработки системы рекомендаций по реализации политики памяти в отношении событий Второй мировой войны выступают консенсусные мнения специалистов, озвученные в ходе экспертных интервью. Последнее означает, что в пользу каждой приведенной позиции, так или иначе, высказались *все* опрошенные эксперты. Дискуссионные точки зрения, озвученные в ходе интервью, не нашли отображения в выводах.

Богатый мировой опыт, накопленный человечеством при решении многих проблем политики памяти, относится отнюдь не только к событиям Второй мировой войны. При этом представляется очевидным, что в поиске актуальных решений в обозначенной парадигме необходимо принимать во внимание лучшие практики, выработанные в разных странах. «Общий знаменатель» в виде проверенных решений может успешно послужить гармонизации мемориальной ситуации относительно 1939 – 1945 гг., и эксперты единодушны в том, чтобы его задействовать.

В ходе неформализованных экспертных интервью внимание специалистов в области политики памяти фокусировалось на проблемных

моментах ее реализации и возможных путях их устранения. При этом анализ данной проблематики носил концептуальный характер, в силу чего иллюстративный ряд, приводимый в обоснование конкретных тезисов, зачастую выходил за хронологические рамки Второй мировой войны.

Как было отмечено экспертами, одной из базовых проблем является зачастую конъюнктурный характер принимаемых решений и используемых моделей. Интерпретация событий прошлого на официальном уровне, закрепляемая в структуре исторического нарратива, может кардинально меняться в зависимости от тактических задач внешне- и внутривойсковой повестки. Идеальная модель политики памяти предполагает преемственность подходов к трактовке ключевых, в первую очередь – травмирующих эпизодов национальной истории, даже если на научном уровне все это становится поводом для дискуссии. При этом следует ориентироваться не только и не столько на отражение достоверных исторических фактов, сколько на формирование и укрепление национально-государственной идентичности с учетом пролонгированной перспективы.

Однако чаще всего на практике до представителя целевой аудитории чаще всего пытаются донести целый ряд противоречащих друг другу посылов относительно событий прошлого. Помимо того, нередко реализуется потребность в формировании яркого образа врага в случае дихотомической подачи материала. Если для мнемонического актора войска противника враждебны в меньшей степени, чем политические оппоненты в собственном обществе, возникает риск донести до аудитории губительное в мемориальном пространстве мировоззрение. Более того, даже при наличии четкого деления «свой-чужой» в используемом нарративе, архитекторы политики памяти нередко помещают образ врага в среде «своих», в то время как «чужие» обезличиваются и не несут на себе негативных маркеров.

Как показали результаты экспертных интервью, специалисты солидарны в отношении того, что основным полем распространения исторического нарратива в настоящее время является сфера массовой культуры. Среди ресурсов продвижения соответствующего контента ключевое значение принадлежит произведениям развлекательного формата – кинофильмам, сериалам, видеоиграм, художественной литературе. При этом многие традиционные мнемонические акторы, в силу специфики собственных интересов, игнорируют данное обстоятельство, что приводит к нерациональному расходованию ресурсов. В то же время отмечается

негативная тенденция абсолютизации для некоторых аудиторий роли аудиовизуальных форм распространения исторического нарратива.

Эксперты также заостряют внимание на необходимости повышения роли профессиональных историков в формировании исторического нарратива. Согласно их мнению, в настоящее время роль специалистов в его выработке искусственно ограничивается. При этом негативную роль играют как барьеры, существующие внутри самого научного сообщества, так и в рамках структур, формирующих популярный исторический контент. И здесь мы упираемся в проблемы системы образования.

По итогам изучения мнений экспертов, а именно тех позиций, в которых они, независимо друг от друга, солидарны, можно отметить также ряд следующих, принципиально важных моментов. Так, с содержательной точки зрения основными недостатками реализации мемориальной политики на сегодняшний день являются ее непоследовательный и изменчивый характер, наличие внутренних противоречий в содержательной стороне, игнорирование позитивного опыта других стран и присутствие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию.

С позиции выбора методов и форм трансляции исторического нарратива мемориальная политика, по мнению экспертов, должна выстраиваться на основе принципа тотальности использования всех каналов воздействия на аудиторию и их тесной взаимосвязи между собой в синергетической форме. Приоритетное значение должно отдаваться работе в сфере массовой культуры, но это не должно быть сопряжено с «оптимизацией» прочих направлений. То есть в таких принципиальных вопросах экономический подход априори неприемлем.

Кроме того, отмечается необходимость увеличения внимания к новым способам реализации уже имеющихся практик. Те же самые музеи и выставки можно сделать мобильными, то есть более доступными для граждан, далеких от столиц, где и сосредоточены такие учреждения. Важна адаптация и к новым реалиям: более привлекательны мероприятия, позволяющие людям погрузиться в атмосферу событий прошлого, брать в руки тот или иной экспонат, фотографироваться с ним.

Приоритетное развитие исторического нарратива в сегменте массовой культуры должно обеспечиваться за счет возрастания коммерческой привлекательности соответствующей продукции, что требует повышения планки требований к контенту, по крайней мере, в той его части, которая производится при поддержке государства. Помимо того, эксперты

подчеркивают необходимость ведения активной работы с новыми мнемоническими акторами, в частности – видеоблогерами, создающими обзоры на кинопроизведения или видеоигры, авторами книг в жанрах «фантастика» и «фэнтези» и пр.

Также необходимо подчеркнуть, что оценка качества мемориальной политики производится экспертами, во-первых, с прагматических позиций. Ее целью, с точки зрения опрошенных специалистов, является продвижение позитивного образа прошлого на внутри- и внешнеполитической арене.

На втором месте для экспертов стоит формирование и укрепление национально-государственной идентичности. Для этого необходимо, прежде всего, успешно разрешить внутренние конфликты. Попытки использования политики памяти как инструмента урегулирования международных отношений путем уступок оцениваются негативно.

Далее в данной главе автором рассмотрены пути решения основных содержательных проблем реализации политики памяти. Это предполагает необходимость следующей стратегии в выстраивании мемориального нарратива. В случае, если речь идет даже о потенциальной возможности конфликта на международной арене, система представлений о прошлом в таких случаях должна конструироваться за счет согласования двух противоположных традиций с использованием как предложенного выше экспертами инструментария, так, возможно, и с применением иных механизмов и ресурсов.

Внутри любой модели исторического нарратива должен преобладать национальный компонент, обеспечивая ее функционирование в качестве источника ингруппового фаворитизма. В то же время для ее конструирования могут заимствоваться элементы чужой традиции. Этот процесс должен предотвращать дегуманизацию противоположной стороны, наделять ее представителей мотивацией действий, разграничивать политический истеблишмент государства и население соответствующей страны, тем самым создавая основания для «исторического примирения» двух и более сторон.

В рамках выстраивания единого мемориального пространства в межнациональных масштабах, эффективной тактикой можно признать позитивное позиционирование каждой из ключевых сторон исторического конфликта, закрепляемое формально – посредством подписания публичного соглашения между ведущими общественно-политическими структурами и институтами. При этом такого рода договоренности должны в обязательном порядке содержать в себе прописанную ответственность сторон за

возможные нарушения, а также механизм применения санкций к нарушительно-подписанту или иной структуре, чьи действия нарушают букву и дух указанных документов. Если договор заключается на международном уровне, то в данном качестве также могут быть предприняты персональные санкции к инициаторам нарушений.

Заключение работы подводит итоги исследования в целом. Память о войне, что подтверждает выдвинутую гипотезу, де-факто стала предметом специфического политического регулирования, и осуществляемого нередко ради достижения краткосрочных и конъюнктурных целей.

Трансформация политики памяти о Второй мировой войне обуславливается в случае каждой страны целым комплексом причин и факторов, структура и взаимодействие которых всегда обладают выраженной спецификой. В каждом конкретном случае, как это показал подробный анализ ситуации в России, Польше и Германии, их роль и значение могут существенно различаться. Отличия в структурах комплексов причин и факторов, определяющих цели, задачи и специфику реализации политики памяти, детерминируют сущностные отличия в подходах к мнемоническому позиционированию.

Следует признать, что во всех рассмотренных случаях существующие в настоящее время мемориальные модели следует признать в различной степени малоэффективными. В Российской Федерации образ прошлого (для реализации внутриполитических задач) выстраивается вокруг темы коллективного подвига и общей жертвы, что обеспечивает высокий уровень эмоционального наполнения соответствующих символов, а также обеспечивает выработку ингруппового фаворитизма, укрепляя национально-государственную идентичность и способствуя ее воспроизводству. В то же время так и не был сформулирован привлекательный образ прошлого, который мог бы транслироваться в страны как ближнего, так и дальнего зарубежья на уровне массовой культуры и в контексте официального дискурса. Равным образом не был разработан комплекс мемориальных практик, позволяющих купировать попытки ревизии истории Второй мировой войны.

Истеблишментом Германии в рассматриваемый период был избран курс на придание немецкому народу статуса жертвы Второй мировой войны, объекта репрессий. В качестве подавляющего субъекта выступают одновременно и нацистский режим, и часть представителей антигитлеровской коалиции. При этом в последнем случае западные

союзники обозначаются скорее по остаточному принципу, сквозь призму раскрытия темы бомбардировок немецких городов, в то время как советские военнослужащие стигматизируются в качестве лиц, повинных в массовом насилии над жителями оккупированных областей Германии и широкомасштабном мародерстве. Одновременно на бытовом уровне достаточно широко распространены ревизионистские варианты интерпретации истории войны, преодоленные в рамках научной традиции (примером в данном случае может служить концепция «чистого вермахта»). При этом наблюдается постепенное усугубление мемориального конфликта между представителями старших поколений, связанных с непосредственными участниками Второй мировой войны эмпатическими связями в силу наличия тесных кровнородственных уз, и представителями молодежи. Усугубляют ситуацию изменение этнического и конфессионального состава населения ФРГ, а также сохраняющийся разрыв в уровне социально-экономического развития западных и восточных земель, обуславливающий высокую популярность радикальных левых и ультраправых политических течений на территории бывшей ГДР.

Истеблишмент Польши, по существу, стал копировать довоенную модель мемориального позиционирования, построенную на основе стигматизации России как «абсолютного врага» и коммунизма как угрозы для польской идентичности и культуры. Важно отметить, что образ СССР был сконструирован за счет эксплуатации дискурса «предательства» и темы «двух оккупаций». Маргинализировалась коллективная память этнических меньшинств (евреев, украинцев и белоруссов) и вытеснялась на периферию система представлений о вкладе в победу над Германией структур и общественных групп, дружественно настроенных по отношению к СССР. В рамках неформального «пантеона исторических героев» их место заняли представители националистического подполья, активно боровшиеся против советских войск. Естественным следствием этого стала, с одной стороны, гипертрофия ингруппового фаворитизма, способствующая развитию крайних форм национализма, а с другой – широкая трансляция ксенофобских установок в отношении этносов, населяющих сопредельные государства.

В свете этого становится очевидно, что подходы всех трех государств к реализации политики памяти в отношении событий Второй мировой войны нуждаются в коррекции.

На основе комбинации данных, полученных за счет применения традиционного анализа, экспертных интервью и киберметрических

исследований нами были выявлены закономерности, позволяющие предложить для каждой из указанных стран комплекс решений для устранения противоречий, накопленных в рамках их мемориальных моделей – как на международном, так и на национальном уровне. При этом необходимыми условиями их эффективной реализации являются добрая воля сторон и реальное стремление к достижению компромисса на приемлемых для всех участников событий условиях. Последнее не всегда возможно, особенно в случае, когда то или иное государство, а чаще его элита, находятся в зависимости от внешних акторов и поэтому отстаивают, в том числе, интересы третьей стороны. Имеют место и ситуации, когда избранная модель оказывается неэффективной, поскольку декларативные цели отличаются от истинных.

Важным фактором достижения гармонизации могла бы стать целостная, согласованная, не противоречащая общей, хотя и во многом устаревшей, международной традиции концепция исторического нарратива относительно событий Второй мировой войны. Но конфликт интересов, в особенности связанный с экспансией политических радикалов, часто препятствует формированию приемлемой для всех заинтересованных сторон картины событий прошлого.

Во множестве исследованных нами ситуаций трансформация политики памяти является ответом на появление в определенных кругах национального истеблишмента, или же среди зарубежных акторов запроса на формирование конфликтной модели интерпретации событий прошлого. При этом появление данного запроса обуславливается в первую очередь потребностью в захвате и удержании политической власти. Чаще всего с целью создания мемориального конфликта производится десакрализация события или личности, имеющих символическое значение для той или иной общности, или играющим большую роль в формировании их идентичности.

Достаточно эффективным выходом из ситуации может послужить принципиально иное позиционирование совместного прошлого, основанного на обращении к опыту позитивного взаимодействия между заинтересованными сторонами.

Нельзя оставлять без внимания и практики примирения, построенные на основе гуманизации рядовых граждан стран-агрессоров и «отстройки» их от организаторов преступлений против человечности в порядке межкультурного обмена, в том числе – посредством создания нарратива на

основе реально имевших место эпизодах взаимодействия представителей воюющих сторон.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК (политические науки)

1. Белов С.И. Формальная и реальная эффективность политики памяти (на материалах исторического кинематографа периода «холодной войны») // Вестник РУДН. 2019. № 3. С. 513-524. **(0,8 а.л.)**
2. Белов С.И. Политика памяти Польши как фактор генерации внешних и внутренних конфликтов (на примере позиционирования трагедии в Едвабне) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 93-100. **(0,86 а.л.)**
3. Белов С.И. Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 1. С. 110-118. **(0,47 а.л.)**
4. Белов С.И. Проблемные аспекты развития политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 1. С. 107-119. **(0,83 а.л.)**
5. Белов С.И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1. С. 62-68. **(0,67 а.л.)**
6. Белов С.И. Конфликт в США вокруг мемориалов Конфедерации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 49 (4). С. 92-107. **(1,15 а.л.)**
7. Белов С.И. Видеоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // Информационные войны. 2019. № 1. С. 89-93. **(0,65 а.л.)**
8. Белов С.И. Политика памяти на Украине: позиционирование истории Великой Отечественной войны после событий Евромайдана // Информационные войны. 2019. № 1. С. 50-55. **(0,74 а.л.)**

9. Белов С.И. Советское символическое наследие как основа для построения национально-государственной идентичности россиян // Вестник Российской нации. 2018. № 6. С. 45-54. **(0,78 а.л.)**
10. Белов С.И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник Московского университета. Серия 12. 2018. № 3. С. 39-48. **(0,71 а.л.)**
11. Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 1. С. 165–184. **(1,26 а.л.)**
12. Белов С.И. Минимизация рисков внедрения травмирующих сюжетов в историческую память // PolitBook. 2018. № 3. С. 52-65. **(0,9 а.л.)**
13. Белов С.И. Мемориальные комплексы, посвященные Второй мировой войне, в Польше, Германии и России как индикаторы политики памяти на современном этапе // Информационные войны. 2018. № 4 (48). С. 56-61. **(0,79 а.л.)**
14. Белов С.И. Объединяющий нарратив истории гражданских войн как элемент политики памяти (на материалах США) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 11. С. 46-59. **(1,08 а.л.)**
15. Белов С.И. Российская мемориальная политика в зеркале блогосферы (на материалах кинообзоров видеоблогеров) // Вестник Российской нации. 2018. № 3. С. 169-178. **(0,68 а.л.)**
16. Белов С.И. Образ России и россиян в польских исторических фильмах в XX – начале XXI вв. (на материалах экспертных интервью) // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 204-216. **(0,93 а.л.)**
17. Белов С.И. Конструирование образов политических деятелей прошлого в сознании широких масс населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 408-416. **(0,62 а.л.)**
18. Белов С.И. Политика декоммунизации Европы и угрозы для национальной безопасности России (на материалах Парламентской Ассамблеи Совета Европы) // Информационные войны. 2018. № 3. С. 65-71. **(0,9 а.л.)**
19. Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 269-277. **(0,65 а.л.)**

20. Белов С.И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 1. С. 96-104. **(0,67 а.л.)**

21. Белов С.И. Образ Красной Армии периода Великой Отечественной войны в немецком кинематографе в 2000-х гг.: содержание и факторы генезиса // Информационные войны. 2018. № 1. С. 79-83. **(0,61 а.л.)**

22. Белов С.И. Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории для старшекласников) // PolitBook. 2017. № 4. С. 89-103. **(0,95 а.л.)**

23. Белов С.И. Советский политический миф: причины гибели и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник (Е-journal «PublicAdministration»). 2017. № 65. С. 45-56. **(0,77 а.л.)**

***Статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий,
рекомендованных ВАК (исторические науки)***

1. Белов С.И. Противоправные действия советских военнослужащих по отношению к гражданскому населению Польши на завершающем этапе Второй мировой войны // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 675-680. **(0,68 а.л.)**

2. Белов С.И. Проблемные аспекты изучения темы боя 28 панфиловцев // Былые годы. 2014. № 31 (1). С. 26-31. **(0,79 а.л.)**

3. Белов С.И. Противоправные действия немецких вооруженных сил по отношению к гражданскому населению Германии на завершающем этапе Второй мировой войны // Былые годы. 2014. № 32 (2). С. 145-149. **(0,54 а.л.)**

4. Белов С.И. Взаимоотношения Красной Армии и католической церкви на территории Польши в 1944 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 2. С. 28-31. **(0,43 а.л.)**

5. Белов С.И. Характеристика потерь личного состава, понесенных Красной Армией в результате атак польских националистов в первый период освобождения Польши от немецкой оккупации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 3. С. 25-28. **(0,31 а.л.)**

Индивидуальная монография

1. Белов С.И. Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. Монография. – Санкт-Петербург: Издательство Межрегиональной общественной организации социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2021. – 281 с.